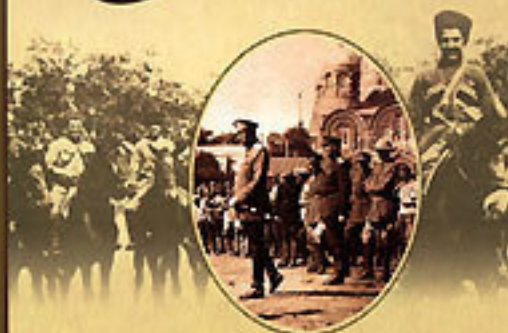

*Свидетели
эпохи*

ХАДЛСТОН
УИЛЬЯМСОН

■
*Прощание
с Доном*

Гражданская война в России в
дневниках британского офицера
1919—1920

Хадлстон Уильямсон

**Прощание с Доном. Гражданская
война в России в дневниках
британского офицера. 1919-1920**

«Центрполиграф»

Уильямсон Х.

Прощание с Доном. Гражданская война в России в дневниках британского офицера. 1919-1920 / Х. Уильямсон — «Центрполиграф»,

Роль Англии во внутренних делах России, история так называемой интервенции и трагедия раздираемого Гражданской войной населения – вот основной предмет повествования Хадлстона Уильямсона. Записи велись по горячим следам событий. Автор рисует яркие запоминающиеся портреты Корнилова и Деникина, делает впечатляющие панорамные зарисовки фронтов и эпизодов важнейших сражений, дает характеристику организации и боевого духа Российской армии и отдельных ее представителей.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Пролог	9
Глава 1	12
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Хадлстон Уильямсон
Прощание с Доном. Гражданская
война в дневниках британского
офицера. 1919 – 1920

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хадлстон Ноэль Хедворт Уильямсон родился 27 декабря 1886 г. Он был сыном капитана Сесила Хедворта Уильямсона из Касл-Дугласа в Керкубришире. Учился в Итоне и Королевской Военной академии в Вулидже. В 1907 г. поступил на службу в Королевскую артиллерию и служил в Индии и во Франции всю Первую мировую войну с 1914 по 1918 г. Награжден Военным крестом и Бельгийским Военным крестом, был ранен и трижды упоминался в официальных донесениях. Он отправился в Россию, когда там все еще шла Гражданская война, последовавшая за революцией.

Британское вмешательство в дело, являвшееся чисто национальной ссорой, требует некоторого разъяснения. Она началась с большевистского революционного переворота 1917 г., свергнувшего царя и практически прекратившего участие России в Первой мировой войне, а завершилась поражением антикоммунистических лидеров – адмирала Колчака в Сибири в 1919 г. и генерала Врангеля в Крыму в конце 1920 г., и причины ее были в большой степени случайными.

Когда русская армия устранилась от войны, жившие в России чехи, которые еще в 1914 г. высказали пожелание вместе с Россией освободить собственную страну от господства союзника Германии – Австрии, решили отправиться в путь через Сибирь до Владивостока по железной дороге, а затем по морю, чтобы соединиться с союзниками во Франции. К тому времени полки 1914 г. превратились в армейские корпуса, и, хотя им и полагалось сдать оружие, многие из них фактически сохранили его в целях собственной безопасности, и разгорелись бои между ними и большевиками. Активно действуя, чехи захватили все важные города на Транссибирской магистрали до самого Иркутска, а затем оккупировали Владивосток и города на Амуре.

Тут же, видя их успех, амбициозные или заблуждающиеся люди в различных районах России стали создавать правительства в знак сопротивления большевикам и некоторое время смогли управлять крупными регионами страны, а также предпринимать нерешительные попытки победить Красную армию, которая к тому времени была по-новому организована блестящим и кровожадным юристом Львом Троцким. Спорадические стычки перешли в тотальную Гражданскую войну, и до того, как она закончилась, высадились британские, французские, американские и японские войска; в Одессе произошло чуть ли не восстание французских частей; русские солдаты убивали британских офицеров в их постелях, и тысячи бездомных беженцев устремились на юг или в пустыню Центральной Азии, чтобы спастись от наступающих красных армий или умереть на обочинах дорог и в глиняных лачугах среди киргизских степей либо на бесплодных равнинах у китайской границы.

В Сибири и Южной России неуклюжие молодые крестьяне в британских хаки неумело сражались против своих соотечественников, при первой возможности толпами дезертировали к большевикам, а тысячи беженцев месяцами жили в поездах в неопишуемой грязи и нищете. Это был рассказ о трагедии, страданиях и тщетности, когда рука об руку шли неумение, предательство и трусость.

И все-таки в июне 1919 г., казалось, все предсказывало победу. На юге генерал Деникин оккупировал треть России и почти дошел до Москвы, на северо-западе генерал Юденич был уже на подступах к Санкт-Петербургу, а на востоке адмирал Колчак почти достиг Волги. И все же антибольшевистские силы довели ситуацию до того, что все победы утекли сквозь пальцы.

Интервенцию союзников сурово осуждали с обоих полюсов общественного мнения. С милитаристской точки зрения было послано слишком мало войск, чтобы они смогли принести хоть какую-то пользу, а также ни одно из антибольшевистских правительств не предприняло каких-либо согласованных действий, чтобы отобрать власть у советских лидеров. Противоположное мнение осуждало этот эпизод как неоправданную авантюру, которая лишь увеличила

трудности российского населения и не имела иной цели, кроме как сменить у власти ненавистных Романовых.

Договор в Брест-Литовске, в результате которого русские вышли из войны весной 1918 г., позволил германским войскам вторгнуться в Финляндию, Литву, на Дон и Украину. Внешне дело выглядело так, будто они пришли, чтобы помочь слабому советскому правительству поддерживать порядок, но фактически они находились там, чтобы добыть как можно больше продовольствия для того, чтобы преодолеть союзную блокаду, которая ставила своей целью посредством голода заставить Германию покориться. Кроме того, немцы хотели завладеть огромными запасами военных материалов, посланных Антантой России во время войны, а теперь лежащих в железнодорожных вагонах в Архангельске, Мурманске и Владивостоке. Конечно, для союзников было жизненно важно не дать немцам обрести какую-либо выгоду от крушения России, и в марте 1918 г. британские военно-морские силы произвели высадку десанта в Мурманске для охраны этих складов, хотя в тот момент не было и мысли об участии в российских делах. Однако, воодушевляемые успехами чехов и встревоженные растущей дружбой между немцами и большевиками, союзники, которых в значительной степени убедил Уинстон Черчилль, в то время военный министр, высадили войска; а растущий хаос, наглость все еще непобежденных немцев вместе с жестокостью и конфискациями, осуществляемыми большевиками, начали производить ободряющее действие на быстро появившиеся контрреволюционные правительства. Еще более их подбодрило то, что стали приезжать союзные военные миссии – они имели целью помочь обучить войска и восстановить стабильное правительство в стране, которая стремительно сползала к анархии.

Британские офицеры вроде Уильямсона вскоре оказались заняты распределением оружия, упряжи, военной формы и т. п., а также обучением русских добровольцев. Все эти колесики организации были приведены в действие до перемирия, которым завершилась война с Германией, а когда оно наступило, уже было невозможно, да и не благоразумно остановить машину одним махом. И после долгих колебаний и лицемерной болтовни на конференции по перемирию было решено сохранить эти миссии для облегчения страданий русского народа. Конечно, настоящая правда была в том, что все боялись коммунистической угрозы и надеялись свергнуть Советы, и французский государственный деятель Клемансо фактически выразил свое убеждение в идее создания «санитарного кордона», как это видел Уинстон Черчилль, между Россией и остальным миром. Однако поддержка в любых размерах в чисто внутреннем конфликте не подлежала обсуждению, и все, что было сделано, делалось лишь наполовину, и с монотонной регулярностью оказывалась поддержка не тем людям. И в результате осенью 1919 г. белые, или антикоммунистические, армии начали рушиться в этом переплетении разрухи, железные дороги, по которым они отступали, для поредевших полков и тысяч и тысяч беженцев, их сопровождавших, становились *via dolorosa* (дорогой страданий и скорби. – Примеч. пер.).

Тем не менее весной 1919 г., когда Уильямсон впервые оказался причастен к этой истории, шансы на падение правительства Советов и уничтожение навсегда угрозы коммунизма, который уже начал распространяться на запад в сокрушенную Германию и даже во Францию, государственным деятелям Антанты казались многообещающими, и молодые люди вроде Уильямсона отправлялись в Россию, полагая, что занимаются мудрым и почетным делом. Им было суждено пережить прискорбное заблуждение. Они взялись за почти невозможное предприятие. Царская империя столь долго гнила от коррупции, и слишком много людей, с которыми им пришлось работать, стали продуктом этой системы. В то время как, несомненно, было много храбрых и достойных уважения людей, гораздо больше было ленивых, безразличных, фанатичных, корыстолюбивых и даже трусливых. Дневник Уильямсона описывает, как возвышенные надежды, с которыми он отправился в Россию в 1919 г., закончились в 1920-м разочарованием и катастрофой.

Пролог

Осенью 1915 г., когда я был капитаном и командовал полевой батареей в Круа-Барб во Франции, меня по телефону предупредили о том, что ко мне должны прибыть два высокопоставленных русских артиллерийских офицера, которых вместе с переводчиком скоро доставят на автомашине на мою боевую позицию. Мне надлежало сопровождать их при осмотре моих орудий, ознакомить с моим наблюдательным пунктом и устроить демонстрацию огневой мощи гаубиц калибра 4,5 дюйма, которыми в то время британское правительство в значительных количествах снабжало Российскую армию.

«Постарайтесь, чтобы им понравилось пребывание, – было сказано мне. – Но никоим образом нельзя допустить, чтобы их там убило или ранило!»

У меня было достаточно времени, чтобы предупредить своих младших офицеров и оружейные расчеты, перед тем как подъехала машина и из нее вышли полковники российской императорской артиллерии Виноградов и Геркович вместе с переводчиком Борисом Анрепом – хорошо известным лондонским художником.

После соответствующего количества поклонов, улыбок и рукопожатий я обнаружил, что оба полковника говорят по-французски, так что я смог подключиться к разговору и обмену личными комплиментами и фотографированию.

А тем временем мои артиллеристы устали на ряды медалей, блистающие стальные ножны для клинков и шпоры – ведь ничто из этого перечня отнюдь не способствовало передвижению ползком по траншеям, – а обладателям этих аксессуаров неизбежно предстояло именно так добираться до моего наблюдательного пункта. Но когда Виноградов попросил баночку с землей с одного из окопов, где располагались орудия, которую он обещал высыпать на русском орудийном окопе как символ доброй воли между союзниками вообще и артиллеристами в частности, энтузиазму не было границ, и специально для него была устроена демонстрация артиллерийской выучки и артиллерийской наводки.

Посещение НП началось не без серьезных опасений с моей стороны, поскольку полковники в своих зеленых шинелях до пят и в полных воинских доспехах не очень-то были настроены на то, чтобы перемещаться по деревянному тротуару, настланному вдоль залитого водой хода сообщения, который был для нас естественным путем для подхода к НП. Начав путешествие, в котором я имел честь сопровождать их, по верху траншеи, мы вскоре были вынуждены спрыгнуть в полузатопленные снарядные воронки, поскольку начался неизбежный прицельный огонь германской полевой пушки.

После визита вежливости к командиру батальона на оборонительном рубеже мы в конце концов достигли своей цели несколькими выстрелами для уточнения места германского опорного пункта, а за этим сделали еще один-два выстрела по заранее зарегистрированным целям. Конечно, это действие вызвало ответный огонь немцев по траншеям нашего прикрытия – для которого мы ни в коей мере не испытывали избытка своей пехоты, – а потом опять по моей оружейной позиции. Опять поклоны, салюты и рукопожатия – и полковники Виноградов и Геркович навсегда исчезли из моей жизни.

Несмотря на удовлетворение, которое они продемонстрировали, я не был уверен в том, что визит оказался успешным. Их комментарии не очень многое разъясняли, поскольку русские почти не выходили за рамки сравнения наших методов – конечно, с невероятной вежливостью, но все-таки снисходительно неблагосклонно – с теми, что сами использовали в Русско-японской войне 1905 г. и на ранних этапах 1914 г. Насколько я помню, ни в одной из этих кампаний русские не достигли сколько-нибудь значительных военных успехов. Тем не менее я был рад своим гостям, несмотря на то что в качестве рекламы восхваляемого русского парового катка они были не столь впечатляющи.

Три года спустя, в декабре 1918 г., я был очень молодым майором, засидевшимся в небольшом бельгийском городке и наблюдавшим за расчленением армейских частей и лихорадочной демобилизации. И тут новости из внешнего мира стали вновь обретать свою обычную значимость; и, что еще примечательней, новости из России, нашего давнего союзника, стали захватывающе интересны.

На Западном фронте наша война уже закончилась, но теперь, казалось, вдали, в Юго-Западной России, на северном побережье Черного моря, велась страшная борьба за выживание немногими остатками императорской Российской армии, которая, находясь под командой Ренненкампа и Самсонова, в 1914 г. была загнана глубоко в Восточную Пруссию и ценой колоссальных жертв ослабила германское давление на Западе, когда немцы гнали британцев назад к портам на Ла-Манше. Сейчас, как рассказывали, эти разбросанные части, верные своему убиенному царю и союзникам, которые вступили в войну от их имени, и тем своим товарищам и их семьям, что могли бы избежать первоначальной резни революции, находились в бедственном положении.

Как бы там ни было, думалось мне, но в тот момент они олицетворяли собой бастион на пути быстро нараставшей волны коммунизма, которая уже обрушивалась из Восточной Европы на Запад. Страх его (коммунизма. – Примеч. пер.) уже широко распространился, потому что из-за усталости от войны, неприязни к дисциплине и искусной коммунистической пропаганды, которая вызывала отклик в каждой стране, эта угроза стала вполне реальной.

Я думал о тех двух русских полковниках, побывавших на моей оружейной позиции в 1915 г. Где они теперь? Может, их уже зверски убили революционеры? Я думал об их загубленном царе, который был внешне так похож на нашего собственного короля Георга. А поскольку вести о коммунистических зверствах шли широким потоком, я думал о великой армии и великой нации, подвергшихся процессу жуткого распада, зависящих от милости революционной толпы, которая не щадила ни женщин, ни детей в своем бешеном стремлении к воплощению так называемой свободы.

Там, в русских степях, отчаянно нуждались в помощи. И нуждались именно сейчас; я впервые услышал, что набирают офицеров-добровольцев, которые нужны для работы в британской миссии для оказания помощи антибольшевистским армиям в распоряжении военным снаряжением и использовании его и тех запасов, которые британское правительство решило отправить в Россию. И перед этим призывом я устоять не смог.

Я предложил себя, будучи охвачен духом поиска приключений и поддержания традиционной этики касты, к которой я принадлежал. У меня было не больше времени на мятежных солдат и матросов, которые издевались над своими офицерами и устраивали побоища, чем на политических авантюристов из преступных классов, убивших своего царя и его беспомощную семью. Я вышел из тех слоев общества, чьи привилегии в то время были очень весомыми, и рассматривал русскую революцию не столько как борьбу рабочих за то, чтобы поправить многое, что было неправильно, сколько как борьбу злых людей, стремившихся покончить с обществом, которому я принадлежал. Российское общество вполне могло заблуждаться и зачастую было коррумпированным, а революция вполне могла положить конец конкретному типу человека моего класса, но, как и многие другие, я считал себя преданным делу крестового похода ради сохранения того, что считал положительным. Мы не были очень умными, эрудированными и, возможно, бывали порой не правы и приписывали идеальные черты некоторым вещам, того, может быть, не заслуживавшим. Но этот идеализм руководил нашими действиями, и мы по-прежнему были горды им, потому что такие поступки были характерны для поколения, к которому мы принадлежали. Та же самая моральная сила посылала тысячи молодых людей в вербовочные пункты в 1914 г. и вела их на смерть на Сомме и у Пасхендале ради идеи, в которую они верили.

Хотя это ощущение уже исчезло, в те дни оно было искренним, и я просто не мог тратить времени на ожидание.

Мне дали недельный отпуск, и я отправился прямиком в Военное министерство, где меня зарегистрировали для отправки в миссию. Потом опять в Бельгию на пару дней, чтобы попрощаться с последним из расформированных штабов моей дивизии, затем неделя – с матерью в Уилтшире, пара вечеринок в Лондоне с друзьями, которые думали, что я совсем сошел с ума. И вот 12 апреля 1919 г. я расстался на причале в Саутгемптоне с некоторыми из этих самых товарищей.

Что представляла собой эта дурацкая одиссея, в которую я ринулся по своей воле? Был ли я сумасшедшим, как уверяли мои друзья? Тогда я совсем не считал себя безумцем.

Глава 1

Саутгемптон был забит высокотрубными судами и войсками, возвращающимися из Франции по демобилизации. Они просто мечтали сбросить военную форму и избавиться от армейской дисциплины, но я вместе с другими офицерами, откомандированными в качестве инструкторов в белогвардейские войска на Кавказе и в Крыму, направлялся еще на одну войну.

В группу кроме меня входили Линг – физически крепкий, краснолицый артиллерист, Пейн из Королевских ВВС, а также Стентон из 7-го полка гвардейских драгун.

Путь наш лежал через Гавр, Модан и Турин, и после трех с половиной очень утомительных дней, проведенных во втором классе итальянского воинского эшелона, мы прибыли в Таранто. Там мы простояли достаточно долго для того, чтобы запастись небольшим резервом консервированных продуктов и летнего военного обмундирования, которое, как мы начали понимать, могло нам понадобиться, а также для того, чтобы к нам подключились шесть сержантов из Королевской полевой артиллерии, а потом мы поднялись на борт корабля Elkantara. На вторую ночь мы прошли Коринфский пролив, а на следующий день сошли на берег в Афинах. Однако у нас хватило времени лишь на то, чтобы взглянуть на Акрополь и Парфенон до того, как в спешке ринуться назад на корабль, но и за это короткое время нам удалось оказаться замешанными в огромной уличной драке, в которой также участвовали два трамвайных вагона, несколько полицейских и толпа из минимум двухсот человек всех мыслимых национальностей. Она началась из-за количества пассажиров, допускаемых на борт судна, но в результате была лишь одна жертва – водитель одного из трамваев, которого ударили ножом в шею.

Также в Афинах мы впервые увидели беженцев, которые уже покинули Южную Россию перед наступлением большевиков.

Они представляли все классы общества, но больше всего было бывших царских офицеров, дворян и зажиточных торговцев, которых революция лишила собственности. Похоже, никто из них не испытывал неудобств, потому что они смогли убраться из России вовремя, но на свое положение они жаловались во весь голос. Они ввели нас в курс событий, происходящих в России, где генерал Корнилов, этот первый настоящий командующий Белой армией, занял активную позицию в борьбе против большевиков.

Невысокого роста, худощавый, Корнилов был выходцем из бедной казачьей семьи, и его монгольские корни проявлялись в мускулистой маленькой фигуре, черной эспаньолке и раскосых глазах и к тому же тонких ногах, искривленных годами, проведенными в седле. В обществе его считали грубым и резким, но армия его любила за простоту манер. Хотя какой-то соперничавший с ним генерал и описал его как личность с «львиным сердцем и бараньей головой», он все же был в состоянии воодушевить свою армию личным примером. И он достиг высочайшего ранга в императорской Российской армии в то время, когда такое было нелегко сделать, не имея благородного происхождения либо влияния, и также отличился как в Русско-японской, так и в Европейской войнах.

Попав в плен к австрийцам, он переоделся в австрийского солдата и бежал, а когда революция низложила царя, новые руководители выбрали его для командования мятежным гарнизоном в Петрограде – бывшем Санкт-Петербурге. Однако он разошелся во взглядах со своими политическими хозяевами на то, как они руководили армией, и вернулся на фронт. В результате неудавшейся попытки заставить правительство восстановить в армии хоть какую-то дисциплину и навести порядок в стране над ним нависла угроза тюремного заключения. И, однако, опять он ускользнул вместе со своей дивизией и, приказав своим воинам рассеяться, бежал через всю Россию на Дон с небольшой группой сторонников. Легко одетые люди замерзли в пути, у лошадей изнашивались подковы, отряд подстерегали пулеметные засады, и в конце концов Корнилов, переодетый крестьянином, добрался один.

Он тут же подключился к попытке генерала Алексеева, бывшего начальника штаба Верховного главнокомандующего Российской армией, сформировать – из сбежавших от большевиков офицеров и казаков – новую армию для борьбы с немцами и красными. И в феврале 1918 г. он смог выступить в поход из Ростова во главе отряда из 5000 человек, положивших начало Добровольческой армии, к которой нам предстояло присоединиться.

Бойцов этого отряда сопровождали жены, семьи, больные и раненые, и после потери Екатеринодара они брели по степям Кубани в форме, превратившейся в лохмотья, все запасы медикаментов и хирургических инструментов были практически израсходованы, их единственным оружием и боеприпасами было то, что им удалось захватить у большевиков. Русские дамы, прежде привыкшие к комфорту и роскоши светской жизни Москвы и Петербурга, сопровождали войска в качестве медсестер, а то даже сражались бок о бок с мужчинами. Для офицеров попасть в плен значило смерть под пытками, а женщин ожидало то же самое и еще более страшное. В большевистских войсках было много китайских трудовых корпусов, использовавшихся во время войны на тыловых работах, а сейчас мобилизованных и вооруженных Троцким, и всякого пленного, которого надо было подвергнуть особым пыткам, большевистские комиссары передавали им. Китайцы за свою жестокость были достойны своей репутации.

Ряды корниловского отряда косили мартовские ветры, жгучий холод, переправы вброд через ледяные реки и вынужденные переходы в метель.

– В оставшуюся часть зимы, – продолжал рассказчик, – во всех деревнях свирепствовал тиф, и донские казаки поддались коварной большевистской пропаганде. Но доброармейцы не впадали в отчаяние.

И тут на нас устремился косой взгляд.

– Они, понимаете, надеялись на помощь Британии и Франции. Но никакая помощь не пришла.

И опять взгляд – на этот раз слегка высокомерный.

– Но эта маленькая армия держалась, и те русские, которых вы видите, с наградами в виде короны из шипов, пронзенной кинжалом, висящей на красно-сине-белой ленте царской России, – это мужчины и женщины, которые воевали до конца в этой суровой Кубанской кампании.

Однако к настоящему времени и Алексеева, и Корнилова уже не было в живых.

– Алексеев умер от тифа, – сказали нам, – а Корнилов – от ран, полученных при разрыве снаряда под Екатеринодаром в апреле 1918 г. Теперь командование легло на плечи генерала Антона Деникина.

Но тут случилось чудо, и с казаками Дона, Кубани и Терека на своей стороне Добровольческая армия Деникина обеспечила себе короткую передышку, а большевистские силы были отрезаны от берегов Черного моря, Донецкого угольного бассейна, зерна Дона и Кубани, а также кавказской нефти. К несчастью, искусная пропаганда, утверждавшая, что белые сражались только за восстановление помещиков и нового царского режима, возымела свое действие на донских казаков и даже оказала влияние на французские войска в Одессе, и Одесса была потеряна, когда французский командующий стал действовать слишком поспешно и приказал начать эвакуацию. Гражданское население, зная, что красные войдут в город сразу же, как только французы его покинут, было охвачено паникой, и эвакуация велась в полном беспорядке, многие тысячи людей заполнили причалы, стремясь попасть на борт французских крейсеров, при этом многие кончали с собой во время ожидания. Это было позорное событие, негативно повлиявшее на боевой дух белых, особенно потому, что теперь люди считали, что оставление французами Севастополя – лишь дело времени.

В результате Крым, за исключением Керченского полуострова, охранявшегося орудиями британского Черноморского флота, был потерян. Весь Дон к северу от Новочеркасска находился в руках красных. Пал Царицын, и большевистские силы приближались к тихорецкому

узлу, который находился на прямой линии связи между Добровольческой армией вместе с донскими казаками в районе Ростова и штабом и остатками деникинской армии в районе Екатеринодара – Новороссийска.

– Каждый корабль, покидавший порты Черного моря, был забит беженцами – в основном женщинами, больными и ранеными офицерами, отставными генералами и государственными деятелями. Похоже, большевики их ненавидели больше всего.

– А как те, кто не смог выбраться?

Он пожал плечами:

– Оставшиеся в руках Деникина деревни были выше пределов переполнены беженцами, а поскольку цена денежных рублевых ассигнаций упала, для них очень острой стала проблема найти достаточно денег хотя бы для того, чтобы купить даже хлеб.

И вновь наступление большевиков потеряло силу, и, пока они продвигались по территории Кубани, все возрастающее число кубанских казаков, возмущенных бесчинствами, творимыми красными войсками в их станицах, стало спланироваться вокруг Деникина. Было предпринято последнее отчаянное контр наступление в направлении р. Маныч и Царицына, и группа из 8000 кубанских казаков под командой генерала Петра Николаевича Врангеля и ведомая генералами Шкуро и Улагает отбросила большевистскую кавалерию назад, на северный берег Дона, окружила Царицын и соединилась с правым флангом войск донских казаков.

Армия вновь была спасена, и на этот раз появилась новая надежда на будущее, потому что действительно шла долгожданная помощь из Британии. На причалах Новороссийска один за другим корабли сгружали орудия и боеприпасы, военную форму и медикаменты. Орудия Викерса и ручные пулеметы Льюиса уже поступали разобранными на две-три части с полками на фронте, и вместе с ними прибывали британские офицеры, занявшиеся обучением устройству этой военной техники, ведя из них огонь по большевикам и вкладывая душу в остатки Добровольческой армии.

Мы слушали все это с большим интересом. Но это была история, а мы были солдатами и шли воевать, и нас интересовали красные армии.

– Как они выглядят? – спросили мы. – Есть ли в них хоть что-то положительное?

– Иногда да, – был ответ. – Троцкий – опасный человек и на удивление хорошо знающий дело.

– А Деникин?

– Честный солдат и стойкий либерал с буржуазным прошлым. Сын скромного офицера и совсем не друг Романовых. Врангель происходит из германо-скандинавской семьи, которая дала десятки солдат. Он всегда отличался умом и до поступления на службу в армию получил образование горного инженера. Шкуро немножко бандит.

Похоже, беженцы восприняли победу белых как само собой разумеющееся, а среди британцев было очень много возбужденных разговоров о ситуации в Южной России.

– Там, должно быть, интересно, – решили мы.

– Судя по всему, там уйма работы, – сказал кто-то.

Все это выглядело волнующе, а мы были достаточно молоды, чтобы надеяться, как мы надеялись в 1914 г., что Гражданская война не закончится до того, как мы туда приедем.

Следующим портом были Салоники, где нам пришлось на неделю сойти на берег, но нас комфортабельно устроили в великолепном доме отдыха, ранее являвшемся турецким консульством. Здесь к нам присоединился Гарольд Куртни Армстронг из 67-го пенджабского полка, который направлялся в Константинополь по делам разведывательного ведомства. В Куте он был среди осажденных вместе с генералом Таунсендом и, выдержав экзамен на выполнение обязанностей британско-турецкого переводчика, очень широко использовался на разведывательной работе. После взятия Куга он был интернирован в Малую Азию, но сумел устроить

себе побег и стал подстрекать коренных жителей на совершение набегов на вражеские линии связи. Из-за чьего-то предательства его вновь схватили и интернировали, но на этот раз в другой лагерь, ближе к Черному морю, где он столкнулся с начальником тюрьмы, отличавшимся очень дурным характером. Однако, обладая даром убеждения и знанием языка, он до такой степени вошел в доверие к остальным туркам, с которыми контактировал, что, когда пороки начальника стали настолько резко выраженными, что обратили на себя внимание властей, Армстронга использовали для обвинения начальника, и последний был за свои зверства осужден на семь лет заключения. Он продолжал проявлять очень большой интерес к туркам и после войны написал авторитетную биографию Кемалья Ататюрка.

Мы с Армстронгом в Салониках встречали многих турков из всех слоев общества, и, хотя они жили под постоянным страхом резни от рук греков как возмездия за времена господства Османской империи, они казались учтивыми, благородными и образованными.

В течение недели, проведенной нами в Салониках, мы сумели одолжить машину и на ней отправились за город. К сожалению, единственный мост через невероятно раздувшийся поток был смыт, и нам пришлось довольствоваться обзором издали, поскольку не было возможности найти машину для переправы.

В то время центр страны был наводнен комитаджами – солдатами балканской нерегулярной армии, которые были немногим лучше бандитов, – в случае чрезвычайного положения они превращались в партизан или группы сопротивления. После болгарского отступления в конце войны они собрали урожай винтовок, боеприпасов и даже пулеметов и часто постреливали по гостям своей страны, хотя никогда не предпринимали организованных акций. У нас, однако, встреч с ними не было, хотя, пока мы обедали, появился какой-то очень живописный и свирепого вида македонец на белой лошадке и уставился на нас. У него был крайне агрессивный вид, но в конце концов он приблизился к нам в принятой в этой стране манере – с головным убором в руке, выпрашивая подаяние.

Два дня спустя пришел приказ подняться на корабль Seangbee, который перенесет нас еще на несколько этапов вперед в нашем путешествии до Константинополя. Перед посадкой в нашем распоряжении в Офицерском клубе оказалась некоторая интересная информация. Между собой беседовали два человека, бывшие командирами батарей в полевой артиллерии, и они должны были вот-вот передать полный комплект оборудования своих подразделений. Один из них жаловался на большое количество запасных частей, которых нам не будет хватать, и боялся, что его заставят нести за это ответственность.

– Почему бы тебе не сходить на деникинскую свалку? – спросил другой офицер и после того, как от него добились объяснений, рассказал, что парк военных материалов, предназначенных для Деникина, – это просто отличный охотничий заказник для любого офицера, нуждающегося в комплектации вооружения своей части перед передачей. Очевидно, там не было никакой охраны, и любой командир батареи мог найти там все, что его душе угодно, стоит только попросить.

Линг взглянул на меня.

– Считаю, нам надо что-то делать, – решил он. – Иначе нам будет куда тяжелее передать эти штуки Деникину. Давай-ка договоримся со штабом и попросим надежную охрану.

Хотя эта акция не прибавила нам популярности, я уверен, от этого наша последующая работа стала намного проще.

При отплытии из Салоников мы не досчитались одного из нашей группы – капитана Стентона из 7-го драгунского полка, который появился на причале, когда корабль был уже в 10 метрах от него, и, сохраняя невозмутимость до безразличия в испытанной кавалерийской манере,

остался на месте. Но к нам присоединился ряд офицеров и других военнослужащих 47-й эскадрильи Королевских ВВС, которым предстояло подключиться к авиационной части миссии.

В Константинополе мы бросили якорь примерно в 11 часов утра, и нам сообщили, что отплытие назначено на вечер того же дня. К счастью, у меня была почта для генерал-майора сэра Тома Бриджеса, главы британской миссии в Константинополе, а потому я смог отправиться на берег на катере офицера береговой службы. Я встретил генерал-майора Онслоу, под чьим командованием служил в 1910 г. в Ирландии, и попытался выудить от него и его штаба хоть какую-то информацию о силах Деникина.

– Деникин? – услышал я в ответ. – Это те еще типы!

– И что вы можете мне рассказать о них? – спросил я.

– Не так уж много. Не очень похоже на родословную нашей страны.

– Почему?

– Вам надо их увидеть!

Налицо было явное безразличие, а то и сопротивление любому действию, которое могло быть предпринято британской миссией на юге России. Никто ничего не знал, никто, казалось, не хотел ничего понимать, и никто ни о чем не заботился. Тем не менее я добился, чтобы мне переслали несколько учебных пособий, справочников и другую литературу, которая никому уже не была нужна, но мне, я знал, она понадобится, когда я начну артиллерийское обучение русских офицеров.

Из-за изрядного количества турецких мин, все еще плававших у побережья Черного моря, нам потребовалось два дня неспешного пути, пока мы добрались до Варны. Это здесь, в Варне, в 1854 г. британские полки, направлявшиеся на войну в Крым, впервые столкнулись с холерой, которая, превратившись в эпидемию, потом опустошала их ряды, но в 1919 г. это был чистый и опрятный морской порт. Французские и британские войска там исполняли оккупационные функции, но единственными носившими оружие людьми были сами болгары, которым союзники поручили самим поддерживать порядок в городе.

Из Варны мы направились через Черное море в субтропический Батум и прибыли туда рано утром, оказавшись, как это часто бывает, окутанными пеленой тумана, да к тому же в неподвижном воздухе стоял тяжелый запах нефти с нефтеперегонных заводов. Тут нам пришлось найти приют в офицерской гостинице для путешественников, чтобы дожидаться момента, когда будет следующий пароход, который возьмет нас в Новороссийск.

Последнюю неделю апреля 1919 г. ситуация в Батуме была крайне сложной. Все союзники обладали здесь внушительными войсковыми отрядами для охраны порта и для того, чтобы не дать, насколько возможно, многочисленным местным фракциям хватать друг друга за горло. Его огромное значение заключалось в его расположении на западной оконечности нефтяной трассы из Баку, а население Батума носило чрезвычайно смешанный характер, при этом доминировали грузины, татары и армяне.

Там также было много военнопленных офицеров из турецких армий Кавказского фронта, которые заполняли две лучшие гостиницы и, похоже, жили в заметном комфорте и свободно. Штаб британских войск, занимавших территории к югу от Кавказских гор, находился в Тифлисе, столице Грузии, и его функции по поддержанию общественного порядка в городе исполнялись без труда, потому что из-за своих собственных семейных конфликтов местные жители понимали, что сами поддерживать порядок они не в состоянии, и были крайне благодарны британцам за то, что те взяли на себя эту работу. Тем не менее после наступления темноты по соседству с причалами часто раздавались выстрелы, и это было не самое безопасное место для прогулок.

Нам не очень нравилась офицерская гостиница, поэтому мы договорились, что останемся в своих каютах на Seangbee и будем закупать продукты на берегу, а поскольку за английский фунт сейчас давали 80 рублей по сравнению с 10 рублями до войны, то можно было жить

весьма недурно. Однако в течение последних двух лет город был охвачен периодическими эпидемиями тифа, и все еще сохранялись значительные очаги болезни. Ею действительно заразились два или три британских офицера, а люди на базарах и в бедных районах жутко от нее страдали. После наступления темноты появились две повозки, их кучера что-то пробормотали, и если б их спросили, зачем они здесь, ответ был бы: «За мертвецами».

Шел проливной дождь, и висел туман, что не улучшало нашего настроения, потому что мы без успеха стремились разузнать, что происходит внутри России. Среди нас мало кто говорил по-русски, а те, кто мог читать на этом языке, пользовались огромным спросом для перевода газет.

Зайдя в гостиницу, мы встретили турецкого военного преступника Нури-бея, брата пресловутого Энвер-паши, которого обвиняли в организации резни тысяч армян. Он находился под стражей, состоявшей из одного британского офицера и нескольких пенджабцев, но ему была предоставлена значительная свобода. У него была приятная внешность, он великолепно говорил по-английски и сдружился со многими британскими офицерами, на которых очень любил рисовать скетчи. Год спустя он сбежал во время прогулки, когда его охраняли лишь один британский офицер и два индийских солдата. Он присоединился к Мустафе Кемалю – впоследствии Кемалю Ататюрку, – возглавлявшему турецкое национальное движение в Малой Азии, и развлекался тем, что рассылал напыщенные послания, в которых обещал новую резню.

У нас было вполне достаточно времени, чтобы увидеть в Батуме столько, сколько нам хотелось, пока из Константинополя не пришел сторожевой корабль его величества Chalkis с приказом забрать весь британский персонал, дожидаящийся переброски в Новороссийск. На борту мы встретили еще одного офицера из Константинополя, направлявшегося в военную миссию. Капитан Лэмкирк, кавалер орденов «За боевые заслуги» и Военного креста, был британским офицером русского происхождения, прослужившим в российской авиации сухопутных войск и в пехоте, за отвагу дважды награжденным Георгиевским крестом. Он поступил на британскую службу в то время, когда генерал Данстервиль – прообраз киплингского Сталки – и генерал Баратов действовали рука об руку в Северо-Западной Персии, и сопровождал экспедицию в Красноводск для оказания помощи некоторым меньшевистским – или правым, то есть антибольшевистским, – элементам в их отпоре красным, пришедшим с Урала. Теперь его откомандировали в британскую военную миссию для разведывательной работы, поскольку он был блестящим русским лингвистом, хотя его двойственные корни и делали его весьма сомнительной личностью.

После двух дней пути по крайне бурному морю мы пришли в Новороссийск и были высажены на берег больше со скоростью, чем с комфортом, и столкнулись с проблемой поиска жилья в городе, в котором как будто никого не было. При наличии всех войск, которые там были, комнаты и дома сдавались в аренду и субаренду, а потом и в суб-субаренду, пока уже никто не понимал, кто там живет, и было практически невозможно отыскать квартиру.

Весенняя оттепель была позади, а жаркое солнце и резкие, иссушающие летние ветра еще впереди, так что было все еще холодно и неуютно. Город, серый под луковичными куполами церквей, казалось, целиком состоял из слякоти. Местами на обочине дорог засасывающей грязи было по щиколотку, а доски и камни, уложенные для пешеходов, уже исчезли из вида. Казалось, грязь была повсюду: на стенах, на колесах транспорта, на ботинках и на одежде, мешая движению и замедляя работу. Город как будто купался в ней, особенно потому, что, похоже, здесь было необыкновенно мало дорог, покрытых щебнем. Одна-две широкие мощеные улицы, застроенные запущенного вида общественными зданиями из камня, и несколько крупных жилых домов, вероятно, и составляли весь центр города. Все остальные улицы были заполнены глубоким слоем грязи, и повозки в ней тонули по самую ось. Несколько раз мы видели несчастных пассажиров, которых переносили до деревянных тротуаров. Учитывая, что

большевики, как говорили, не так далеко отсюда, торговля, казалось, практически прекратилась. Ни у кого не было иной мысли, кроме того, что происходит там, в России.

Улицы были полны оставшихся без копейки беженцев и неопишущего вида нищих. Город превратился в очаг преступности, а так как бумажные деньги Белой армии практически утратили свою цену, в городе вовсю шла спекуляция иностранной валютой. Здесь наблюдалась такая же пестрая коллекция рас, как и в Батуме, – русские в британских хаки, бывшие царские офицеры в серых шинелях, окантованных алым шелком, с эполетами, похожими на большие соски, на плечах, только что прибывшие и пробующие сделать здесь первые робкие шаги сквозь клубок бюрократии заграничные коммерсанты, ливанские торговцы, донские казаки в меховых шапках, женщины сомнительной репутации, евреи в поношенных сюртуках, дьявольского вида балканские авантюристы, длинноносые турки, спекулянты и милиционеры и, наконец, еще и немецкие и австрийские военнопленные, ожидавшие репатриации.

Очень многие русские, находившиеся в Новороссийске и на курортах юга, бежали из северных городов вроде Петрограда и Москвы, и когда-то зажиточные люди теперь жили в ужасающих условиях, набивались в маленькие комнаты, загроможденные их имуществом и пахнущие креозотом, которым они пользовались, чтобы отпугнуть «животный мир». Они помещали ножки кроватей и стульев в кастрюли с этим веществом, пытаясь помешать вшам проникнуть в их одежду и на кожу. Правда, это было не так легко. В то время по всей Южной России везде была такая теснота, и было нетрудно подхватить всякую мыслимую болезнь – от оспы и дифтерии до тифа и холеры.

Хотя в тот момент большевиков на самом деле нигде поблизости не было, народ все-таки находился в крайне нервном состоянии. Многие пережили ужасы революции и в своих родных городах и поселках видели улицы, с утра до ночи запруженные солдатами, которые прохаживались, украсившись красными ленточками и нагло глаза на своих офицеров, при этом даже не пытаясь отдать честь, оскорбляя женщин, находящихся при офицерах, и бродя шумными бандами, по пути нагло расталкивая прохожих. Они видели бесконечные митинги, которые устраивались повсюду – в школах верховой езды, казармах и в школах, – и печать, переполненную лозунгами. На каждом перекрестке они слышали ораторов, возбуждающих народ против них, и ради безопасности они устремились в города Черного моря. Но станции тоже были забиты пьяными солдатами, марширующими под красными флагами, кричащими, хохочущими и задирающими машинистов, и людям приходилось терпеть солдат, когда те поднимались в вагоны и оскорбляли женщин.

Когда идущая вслед за ними на юг Красная армия достигла Кавказа, этих людей подвергали мучениям всеми мыслимыми способами, но настоящий террор начался тогда, когда стали подходить белые. Тут большевики расстреливали людей сотнями, и почти каждый из встреченных нами потерял мужа, брата, сына или отца, а большинство лишилось всего на свете. Огромные массы все еще жили в ужасе от того, что красные вернутся.

Британские офицеры, которых мы здесь встретили, жили в самых ужасных условиях, без переводчиков, транспорта или ординарцев, и не было в наличии никаких британских войск для охраны грузов, предназначенных для Деникина. А материалы прибывали ежедневно и размещались на пристани как попало. Офицеры при содействии нескольких сержантов, приехавших сюда для работы инструкторами, выполняли обязанности кладовщиков, сторожей и носильщиков, сообщали нам самые обескураживающие новости.

– Всякий, кто туда попадет, наверняка подхватит тиф, – вот один из их комментариев. – А если у тебя тиф, то наверняка умрешь!

– На многие войска у Деникина нельзя положиться, – это другой комментарий. – А если очутишься среди казаков, то они в любой момент могут превратиться в большевиков и перерезать тебе горло.

Да, приятная перспектива!

Мы представились начальнику порта и попросили немедленно отправить нас в Екатеринодар.

– Простите, – был ответ, – но никаких распоряжений в отношении вас не поступало. Конечно, – добавил он, – вы, если пожелаете, всегда можете оставаться в Новороссийске. Тут вам найдется куча работы.

Но мы сюда приехали не для этого и добивались своего все более настойчиво, пока наше требование отправить нас на север не было удовлетворено, и после весьма неряшливой еды в ресторане «Элефант», которая, правда, включала в себя изобилие водки и икры, мы уселись в поезд, отправляющийся вечером.

В вагоне не было никаких удобств, и он выглядел таким старым, как будто его смастерили где-то в середине прошлого столетия. Все в нем – его латунные детали, окна – было устаревшим и старомодным, а так же было полным-полно народу, как и во всех российских вагонах. Все купе были забиты, чемоданы, корзины и узлы с вещами были растолканы по всем углам, даже размещены на крыше и на буферах.

Вместе с нами в одно купе втиснулась группа русских генералов, которые прибыли с нами на Chalcis, и мы делились с ними ужином из консервов, которыми нам помогла солдатская столовая, а мы привезли это из Салоников.

Путешествие было долгим, и всякий раз, когда поезд останавливался на станции, чтобы заправиться топливом и водой, возникала организованная гонка пассажиров третьего класса к водопроводному крану, чтобы запастись водой для мытья, питья или чая. Остальные пассажиры спускались на перрон, чтобы размять ноги, а британцы, все еще находясь в плену незнания обстановки, проталкивались сквозь людей, покупавших жареную дичь и овощи у крестьян, к телеграфному пункту, пытаясь отправить домой письма с наклеенными на них неправдоподобными марками.

В Екатеринодар (назван в честь Екатерины Великой) мы приехали где-то после полуночи. Нас встретил грузовик, и на нем нас отвезли в расположение штаба миссии, размещавшегося в огромном пустом здании женской гимназии. Казалось, никто нас не ждал и не думал, что от нашего приезда будет какая-то польза, и нам пришлось затратить некоторое время на поиски ночлега. В конце концов мы рассредоточились по разным дортуарам при единственной деревянной кровати и армейском одеяле в качестве предмета комфорта. В доме были тараканы, не было никакой мебели, водоснабжения, а также прислуги, и на следующее утро нам пришлось самим носить ведра с водой по комнатам, чистить сапоги и пуговицы, бриться с холодной водой. И все это – в окружении хора стонов и жалоб ото всех ранее прибывших на бесполезность миссии и все, что с ней связано.

Мы понадеялись было, что после завтрака будет лучше, но когда увидели пищу, которую нам предстояло есть, она нас не очень развеселила. Единственная имевшаяся в распоряжении еда была приготовлена в исключительно грязном ресторане примерно в 400 метрах от здания штаба, отделявшемся обширным пространством грязи, и еда эта состояла из холодного, с примесью песка омлета. Кофе, разливавшийся из большого потрескавшегося кофейника в любой попавшийся стакан, вне зависимости от того, сколько из него уже было выпито, был холодным. Скатерть была запятнанная и грязная, и мы ощущали, что на нас смотрели почти с полной апатией, если не с подозрением, офицеры, не пытавшиеся даже провести нас по миссии или познакомиться с нашим новым окружением.

После завтрака мы с Лингом доложили о себе старшему артиллерийскому офицеру миссии – подполковнику Россу Хадсону, надеясь получить от него приказ немедленно приступить к работе, но он отбыл на фронт, и нам было сказано, что придется подождать его возвращения. Нас также расспросил генерал-лейтенант сэр Чарльз Бриггс – глава миссии, пообещавший

позаботиться о том, чтобы другие офицеры не страдали от задержек, неудобств и обструкции, с которыми пришлось столкнуться нам.

Бриггс был типичным старомодным кавалерийским генералом, и поговаривали, что он не испытывает склонности к своей работе. Нам взаправду рассказывали, что он повсюду разъезжает на длиннохвостой лошади с двумя борзыми, издеваясь над русскими, и он не произвел на нас впечатления человека, способного отдать команду, которую мы считали важной и срочной.

Так как в нашем распоряжении оказалось несколько свободных дней, мы принялись осматривать Екатеринодар. Он являлся центром одного из главных сельскохозяйственных и зерновых регионов России и был окружен полями богатого чернозема. Это был самый центр антибольшевистского сопротивления, и мы старались собрать все новости, какие могли, и усвоить местные привычки и обычаи. В то время там находился штаб Деникина и приданная ему британская миссия, а кроме того, этот город являлся столицей Кубани. Как и Новороссийск, он был полон людей в военной форме, но лишен свободного жилья. Окружающую местность населяли почти полностью кубанские казаки, которые до того времени очень преданно поддерживали Деникина, потому что были против большевизма в принципе и надеялись, что в награду за их службу Деникин подарит им автономию.

В течение последних двенадцати месяцев это место было сценой непрерывных боев, и их признаки все еще проступали в обожженных, испещренных следами от пуль зданиях и – в окружающей сельской местности – покинутых, наполовину сгоревших деревнях, разгромленных железнодорожных станциях, иногда забрызганных высохшей кровью, где иногда можно было разглядеть двуглавого орла императорской России. Задымленные дома с крышами из жести или черепицы были украшены резными деревянными украшениями, заметными то здесь, то там, где пламя коснулось их. Ставни скрипели под ветром, а ворота непроизвольно дребезжали, показывая, как небольшая армия добровольцев, состоявшая в основном из офицерских батальонов, сформированных генералом Алексеевым в Новочеркасске в начале революции, отчаянно сражалась за свое существование.

К сожалению, штаб проявлял кастовую нетерпимость по отношению к казакам. Деникинский девиз – Россия единая и неделимая – был всего лишь расплывчатой риторической фразой, но любой, кто придерживался иного мнения, клеймился как изменник. Каждого, кто служил под украинским флагом, называли сепаратистом и рассматривали чуть ли не как предателя. И сюда входило много офицеров-добровольцев, которых совсем не интересовала политика и которые просто хотели сражаться с большевиками.

Когда мы приехали, Деникин – внешне крепкий, симпатичный мужчина с седеющей бородой и усами – группировал и реорганизовывал свои войска с целью перенести боевые действия на вражескую территорию. Белые надеялись дойти до Москвы и Петрограда с помощью одновременного наступления с юга, востока и северо-запада. На правом фланге, начинавшемся от Каспийского моря, находилась Кавказская армия, состоявшая в основном из кавалерии, сформированной из кубанских и терских казаков, которыми командовали главным образом офицеры бывшей императорской кавалерии. Под командой барона генерала Врангеля находилось около 10 000 человек. На Донском фронте, что примерно в 60 милях к западу от Царицына, была армия донских казаков, набранная целиком в районе Дона, но в ней также служило много офицеров бывшей империи. Войска были преимущественно конные, но из-за нехватки лошадей многие казачьи полки были спешены и носили название «пластунских», что означало казака, потерявшего своего коня и вынужденного воевать пешим, пока не сможет добыть себе нового коня. Этих войск было около 20 000, и ими командовал генерал Сидорин, сибирский казак и бывший офицер авиации сухопутных войск.

Далее от Донской армии на запад располагалась собственно Добровольческая армия, насчитывавшая около 10 000 человек, один корпус которой, базировавшийся в Ростове и находившийся под командой генерала Май-Маевского, удерживал фронт по берегу Азовского

моря, возле Таганрога. Далее слева был еще один корпус, продвигавшийся на север через Крым и стремившийся соединиться с Май-Маевским перед проведением генерального наступления на Харьков. Наконец, в Сибири адмирал Колчак занимался организацией наступления через Урал и за Волгу, целясь прямо на Москву, в то время как генерал Юденич пытался достичь Петрограда со стороны Балтики.

Все южные силы были известны под названием Вооруженных сил Юга России, хотя мощь полков всегда вызывала сомнения, поскольку рекрутов можно было набрать только в деревнях, через которые шло наступление. Это были преимущественно неуклюжие деревенские парни с тенденцией на марше прикреплять полевые цветы к своим винтовкам и разевать рты при виде незнакомых кирпичных зданий. Было известно, что некоторые из них даже тряслись от страха при виде поезда. Сражались они хорошо, но когда их деревни освобождались, они имели привычку дезертировать, чтобы опять заняться земледелием.

Их офицеры являли собой редкую по виду толпу, одетую в какую-то смесь униформ, иногда их знаки отличия были нарисованы на эполетах синим карандашом. Некоторые из них носили шпоры с колесиками величиной в половину английской кроны, которые позвякивали, как шарики в банке, и большей частью эти люди вообще понятия не имели о том, что происходило вокруг. Если и знали, то давали лишь туманные ответы, а когда проявишь настойчивость, прятались за языковым барьером. В основном это были добросердечные и щедрые до абсурда люди, но, кроме страшных клятв отомстить большевикам, пользы от них было немного. Они были ленивы, невежественны и часто трусливы, главным образом потому, что знали, что у их солдат не хватает смелости воевать против своих соотечественников, и потому, что уже видели, как свои солдаты дезертируют и поднимают мятежи. И офицеры находились – и справедливо – под впечатлением, что это легко может произойти вновь.

Никто в штабе миссии не был о них высокого мнения, и даже не делалось попыток организовать какую-то систему снабжения подкреплений через военные склады.

– Единственные части с трехдюймовыми полевыми орудиями, – рассказывали нам, – это те, кому повезло захватить эти пушки у большевиков. Более того, запасы боеприпасов почти закончились, но так как они делаются вручную школьниками, они все равно не взрываются, а артиллерийский огонь практически ничтожен.

Все выглядело так, что тут для нас найдется много дел, и с этого времени мы замечали еще более неприятные признаки того, как русские пренебрегали основными требованиями войны, когда конвои с ранеными проходили через город от станции; подводы, в которые были впряжены малорослые лошади или верблюды, двигались черепашим шагом. Солнце безжалостно жгло несчастных, лежавших на подводах, у которых не было ни крыш, ни пружин, а несмазанные оси пронзительно скрипели. Люди стонали под зноем. Несколько дней у них во рту не было ни капли воды, и вид их совсем не снимал напряжения с жителей Екатеринодара, хотя боевой дух немедленно поднялся в результате нашего появления на сцене. Нам были предоставлены все возможные средства для передвижения, и мы испытали на себе гостеприимство, которым русские знамениты во всем мире. В самом деле, было трогательно видеть людей, которые, столь тяжело пострадав и потеряв почти все, сейчас старались оказать нам честь, соперничая при этом друг с другом. Уже была забыта волна горечи и разочарования, охватившая их из-за запоздалого прибытия поставок союзников.

– Британцы пришли! – раздавался крик. – Теперь все будет хорошо!

Глава 2

После трех дней нашего ожидания полковник Росс возвратился в Екатеринодар и разъяснил нам, как предполагалось проводить передачу батарей русским войскам. Надлежало создать две школы, одну в Армавире для обучения офицеров Кавказской и Добровольческой армий, а еще одну – в Новочеркасске для обучения офицеров Донской армии. Линг был назначен начальником первой, а я был назначен во вторую.

Три британских офицера, капитаны Найт, Линтон и Абрахамс, уже начали артиллерийские занятия в Новочеркасске на частично снаряженной батарее 18-фунтовых орудий, которая была послана в Донскую армию, и мне было приказано немедленно явиться к командующему артиллерией Донской армии генералу Горелову и организовать учебные классы, по характеру подобные тем, что мы вели в наших артиллерийских школах во Франции. Другие британские офицеры в Новочеркасске учили обращению с пушками Викерса и Льюиса.

Я попросил просветить меня в отношении политической ситуации и линии поведения, которую следовало принять британским офицерам.

«Политика! – Апатичные и лишенные иллюзий офицеры, прибывшие раньше нас, к которым я обращался с вопросом, выглядели шокированными. – Старина, ни в коем случае британский офицер не должен обсуждать политику с русскими! И ради бога, старайся не оказаться втянутым в критику французов. После одесских событий они весьма непопулярны у сторонников Деникина».

Меня также предупредили о некоей личности по имени Алексис Аладьин, который, хотя и говорил безукоризненно по-английски и вел себя в подчеркнуто проанглийской манере, имел репутацию крайне левого.

«У него были теснейшие отношения с немцами, когда те находились в Новочеркасске, – было сказано мне. – Это интриган высшего класса».

Эти предупреждения не оказали на меня большого воздействия. Я знал, что многие из моих информаторов добровольно поехали в Россию, чтобы не оказаться выброшенными из армии в ходе сокращений, которые происходили дома после войны с немцами. Их линия поведения всегда заключалась в следующем: «Избегай этих проклятых русских любой ценой!», «Не делай этого!», «Не делай того!», «Не впутывайся ни во что и любой ценой держись подальше от города! Если там нет тифа, то есть оспа!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.